

Глава III. Из изгнания к анархизму

В первых числах сентября Буэнавентура вместе со своим другом Эль Тото скрывался в Хихоне, что означало возобновление отношений между ним и астурийскими шахтёрами после событий в Матальяне.

Его пребывание там было коротким. В декабре семья Дуррути получила почтовую открытку с маркой из Валь-ле-Бен (Ардеш), в которой он успокаивал родных, сообщая, что у него «всё очень хорошо благодаря помощи одной испанской семьи по фамилии Мартинес»⁷⁰. За то короткое время в Хихоне наверняка произошли события, которые могли бы объяснить действия Буэнавентуры во Франции. Положение Дуррути и его друга не было одинаковым. Эль Тото находился в полицейском розыске изза саботажных акций во время забастовки. Но у Буэнавентуры был ещё один непогашенный долг — дезертирство из армии. За несколько дней до начала забастовки его записали во второй резерв 1917 года солдатом-артиллеристом второго класса с направлением в артиллерийский полк Сан-Себастьяна. Дуррути должен был прибыть туда в конце августа. Потом он напишет своей сестре: «У меня почти не было желания служить родине, но даже и этот небольшой энтузиазм исчез при общении с одним сержантом, командиром резервистов. Он с нами обращался так, будто мы уже служили в казармах. Покидая контору, где проходило зачисление на военную службу, я сказал сам себе: у Альфонсо XIII будет одним солдатом меньше, но одним революционером больше»⁷¹. Возможно, что, когда астурийские шахтёры узнали о факте дезертирства Буэнавентуры, они решили предоставить ему убежище и помочь уехать во Францию.

Буэнакаса, который тоже скрывался от полиции, вероятно, в те дни встретился с Буэнавентурой. По его рассказам, «когда мы познакомились, то не понравились друг другу. Я был более прилежным в учёбе. Он — бунтарь. Я не почувствовал симпатии к нему, а он ко мне»⁷². Вплоть до весны 1920 года Буэнакаса ничего не знал о Дуррути. В ту пору они увиделись в Сан-Себастьяне. В этот раз Буэнакаса был поражён «его прогрессом в области теории». Когда он посетил профсоюзы Конфедерации в Сан-Себастьяне, то увидел, что Дуррути имел членский билет НКТ. Когда он вступил в её ряды? Каким образом достиг прогресса в знаниях? Ответ на эти вопросы — в первой эмиграции во Франции, с сентября 1917-го до марта 1919 года.

Из переписки с семьёй известно, что смены места жительства были частыми. То он едет в Марсель, то колесит по югу Франции с Безье до Тулузы, то появляется в Бордо, Биаррице и т.д. Дуррути никогда не упоминает причин столь частых переездов, однако всё выясняется, когда в марте 1919 года его арестовывают в шахтёрском районе Леона⁷³. Когда баски и астурийцы (среди которых был и Дуррути), спасаясь от репрессий, пересекли Пиренеи, в

Южной Франции, особенно в Марселе уже действовали довольно крупные ячейки каталонских экспатриантов. Там же находилась Комиссия по связям с анархистами. Впрочем, Марсель служил важной точкой для связи с Барселоной. Портовые рабочие находились под большим влиянием революционного синдикализма ранней CGT (Confederación General de Trabajo) ВСТ74.

Среди основных действий организации был сбор пожертвований среди испанских эмигрантов для печатной пропаганды, посылаемой в Испанию. Другой, более опасной деятельностью являлось приобретение оружия (пистолеты и боеприпасы), переправляемого в Барселону.

Всё это требовало переездов и огромной активности. Вероятно, Буэнавентура сделал свои первые шаги активиста в качестве связного между Бордо и Марселем, потому что баски и астурийцы благодаря выгодному расположению порта в Бордо организовали конспиративный центр в столице Жиронды.

С другой стороны, известно, что Буэнавентура поддерживал переписку и отношения со своими друзьями из Леона и что, кроме того, Эль Тото, который жил среди астурийцев до 1919 года, не потерял с ним контакт за все годы изгнания75.

Что касается идеологической эволюции Буэнавентуры, которую Буэнакаса называет «прогресс в теории», то, по словам Камински, «он сделал рывок вперёд, и ему понадобилось меньше времени, чем Бакунину, чтобы объявить себя анархистом»76. Наверное, Камински написал это в августе 1939 года, под сильным впечатлением личности Дуррути. Правда в том, что Буэнавентура не совершил «перехода» от социализма к анархизму, так как последний всегда жил в его сердце.

Испанский марксизм с приездом Поля Лафарга в 1872 году характеризовался как оппортунистский и вскоре превратился в реформизм. За исключением традиционного понятия партии, всё остальное было забыто Социалистической партией. И если один из её лидеров, Ларго Кабальеро, с большим опозданием заговорил о взятии власти рабочим классом, то это были слова, произнесённые без веры и неубедительно. Кроме вклада группы под руководством Андреу Нина77 традиционный идеологический уровень испанских марксистов походил на немецкую или французскую социал-демократию тридцатых годов.

Анархизм, напротив, развивался на подходящей и плодотворной земле. Его основные идеи нашли благодатную почву. В стране, где всё подталкивает к децентрализованной федерации и где рабочие с недовольством принимали парламентские манёвры, отрицание государства как такового было понято полностью.

Когда Буэнавентура познакомился с анархизмом — сначала на практике, а впоследствии и в теории, — он принял его как активную революционную социалистическую доктрину, о которой он уже говорил в Леоне. Поэтому наверняка лучше употребить термин «теоретический прогресс», как это делает Буэнакаса, а не «переход».

В марте 1919 года Буэнавентура лежал в военном госпитале Бургоса. В письме родственникам он утверждал: «Когда я собирался приехать к вам, меня взяли на службу в

полк. Я прошёл военную комиссию, и меня направили в составе армии в Марокко, но затем на медосмотре у меня обнаружили грыжу, и поэтому я сейчас в госпитале, но ненадолго. Не хотелось бы мне отъехать в Марокко и не повидать друзей, которых вы знаете. Пусть они срочно приедут»⁷⁸. В этом письме он маскирует свои намерения. Его арест был связан с миссией в Испании, в тесном контакте с друзьями из Бордо.

В начале января 1919 года Буэнавентура пересёк границу с целью информировать организацию в Хихоне об оперативном плане во Франции. Закончив задание и принимая во внимание перспективы работы, намечающиеся в Астурии, он решил остаться на некоторое время в Испании. Эль Тото рассказал ему о проделанной работе в Леоне. Группа молодёжи, исключённая из Союза железнодорожников, среди которых выделялся Техерина, основала анархистскую ячейку и Профсоюз общих профессий в НКТ, где уже насчитывалось большое число членов. НКТ переживала особый подъём по всей Испании, особенно в Барселоне, где движение синдикализма под руководством Сальвадора Сеги и Анхеля Пестаньи устрашало буржуазию. Каждый второй рабочий состоял в рядах Конфедерации, и поэтому эта организация насчитывала 375 000 членов.

Дуррути устроился на работу механиком в Ла Фильгера — центре рабочих-металлургов, где анархо-синдикализм имел большое влияние. Там ему выдали первый членский билет НКТ. Время, проведённое в Ла Фильгера, было очень важным, но коротким. Буэнавентура вскоре переехал в шахтёрский район Леона, так как в местности Ла Робла вспыхнул конфликт, в частности на шахтёрском предприятии с участием английского капитала. В тот период шахтёрский синдикат Астурии сталкивался с многочисленными протестами-забастовками в этой области и не мог командировать своих людей в Ла Робла. Эль Тото, до тех пор работавший с контактами из Леона, уже три месяца находился в Вальядолиде. Нужно было срочно организовать операцию саботажа на шахтах, и кандидатура Буэнавентуры была наиболее подходящей, так как его там никто не знал. С ним в Ла Робла выехали активисты, приехавшие из Ла Корунья. Как и ожидалось, после протеста, руководство шахты пошло на уступки.

Так как до Леона было очень близко, Буэнавентура планировал встретиться со старыми друзьями для обмена впечатлениями. Назначили встречу в Сантьяго де Компостэла, но в пути его задержала Гражданская гвардия, как подозрительное лицо. Дуррути был отправлен в Ла Корунья, где обнаружился факт его дезертирства из армии. Его отправили в Сан-Себастьян, где после заседания Военного совета он сослался на заболевание грыжи, чтобы выиграть время и затем сбежать. Благодаря помощи друзей из Леона, предупреждённых письмом к сестре Розе, удалось устроить побег. Несколько дней Буэнавентура прятался в горах, а в июне снова эмигрировал во Францию. На этот раз он переехал в Париж и работал в мастерских компании «Рено». В течение этого второго периода ссылки Дуррути вёл редкую переписку. В посланных открытках — по-видимому, намеренно для прочтения чужими — он пишет, что живёт один, в изоляции от всех, и работает механиком. Фотографии этого периода его жизни опровергают написанное, так как на них он появляется в окружении многих друзей. Нам неизвестно о его действиях в тот период времени. Он часто переписывался с Техериной, секретарём леонской анархистской группы⁷⁹.

Алеjandro Хилаберт в брошюре о жизни Дуррути пишет, что «товарищи прилежно сообщали ему о политическом и общественном положении в стране». Основная цель этих писем заключалась в «регулярных новостях о прогрессе анархистского движения», а также в информации о соглашениях анархистских групп, подписанных на Национальной конференции, о членстве в Национальной конфедерации труда⁸⁰. Хилаберт добавляет, «что такое решение групп было связано в особенности с тем, что полиция и правительство занимались организацией «пистолерос» для охоты за синдикалистами»⁸¹. Согласно Хилаберту, благодаря помощи друзей Дуррути было известно в деталях о «важном съезде, проведённом НКТ в Мадриде в декабре 1919 года, где участвовали представители приблизительно одного миллиона рабочих, и о решении съезда вступить в Интернационал, а также о том, что Анхель Пестанья был избран делегатом на III съезд Коминтерна в Москве (1920)»⁸².

Хилаберт добавляет в своём биографическом очерке, что все эти радостные новости побудили Буэнавентуру весной 1920 года вернуться в Испанию. Победа русского народа над царизмом в 1917 году, как известно, оказала огромное влияние на Испанию и увеличила размах августовской забастовки. Это воздействие можно оценить, принимая во внимание позицию НКТ с сильными анархистскими характеристиками. Русская революция была принята анархистами как подлинная диктатура пролетариата, разрушившая власть буржуазии и царской аристократии⁸³.

Буэнавентура не избежал такого влияния, и вполне вероятно, что его решение о возвращении в Испанию могло быть результатом энтузиазма в послевоенной Европе. Многие молодые люди, так же, как и Буэнавентура, поддались влиянию событий в России до такой степени, что их методы несли на себе некоторый отпечаток большевизма. То, что чётко отличало эту молодёжь от большевистского образа действия, было формой понимания самой испанской революции, которая, по их мнению, имела собственный путь в рамках исторических условий её созревания. Со временем — после разоблачения бюрократического и авторитарного характера большевистской диктатуры — большевиков будут упрекать в желании насадить большевистский путь в Испании, не принимая во внимание социально-исторические условия страны. В целом, можно сказать, что все эти идеи и эмоции в то время были не вполне ясными.

Итальянский теоретик анархизма Малатеста, в письме своему другу Луиджи Фаббри хорошо описывает это неприятное замешательство:

“ «Наши большевизирующие друзья понимают под выражением диктатура пролетариата революционное действие, через которое рабочие овладевают землёй и орудиями труда и пытаются построить общество, в котором не было бы места классу эксплуататоров и угнетателей самих производителей. В этом случае диктатура пролетариата означала бы диктатуру всех и не была бы диктатурой, таким же образом, как и правительство всех — уже не правительство в авторитарном, историческом и практическом смысле этого слова».

Однако Малатеста чётко представлял смысл большевистской диктатуры:

“ «На деле речь идёт о диктатуре одной партии или руководителей партии. Ленин, Троцкий и их товарищи — наверняка искренние революционеры, в рамках их понимания революции, и не предадут её, но они готовят правительственные кадры, которые будут служить тем, которые придут после, чтобы использовать революцию для своей выгоды и разрушить её. История повторяется: *mutatis mutandis*, есть диктатура Робеспьера, которая приводит его на гильотину и готовит дорогу Наполеону».

Но, несмотря на это, Малатеста добавляет, несколько исправляя предыдущую мысль (он сам в плену миража эпохи):

“ «Может быть также, что многие вещи, кажущиеся нам плохими, являются продуктом данной ситуации и что в особых обстоятельствах России было бы невозможно поступить иначе. Лучше подождать, поскольку то, что мы будем говорить, никоим образом не повлияет на развитие событий в России, и в Италии может быть истолковано неверно — в том смысле, что мы повторяем клевету реакционных кругов».

Это письмо было опубликовано лишь в 1922 году — изза причин, объяснённых самим автором. Но как бы то ни было, мысли автора не позволяют исказить себя. Позиция анархистов всегда была ясной:

“ «Мы уважаем в большевиках их марксистскую честность и восхищаемся их энергией, но мы никогда не разделяли их теоретические идеи и также не смогли бы поддержать их, когда от теории они переходят к практике»⁸⁴.

Весной 1920 года ничего из происходящего в России не было известно достоверно. Единственное, что преобладало, — это волны клеветы о русских революционерах на рынке буржуазной прессы. Поэтому классовые товарищи всех стран защищали их. Единственный способ помочь русской революции — совершение революционных восстаний в остальных странах. Как мы уже говорили ранее, нам известно, что этот факт повлиял на возвращение Буэнавентуры Дуррути в Испанию.

Версия #3

Зверобой создал 12 июля 2025 22:49:26

Зверобой обновил 5 августа 2025 12:31:08